

это то, что наряду с большим количеством современных текстов даются тексты из старых записей, а также лакоичная, но продуманная система диалектологических упражнений. Все книги содержат библиографические разделы; литовское и таджикское издание включают и диалектные словари, естественно, различные по своему объему.

Каждая из трех книг содержит немало оригинальных, впервые публикуемых текстов. Так, в хрестоматии М. К. Рудзите приведен образец анценского подговора глубинно-тамского говора (из курсовой работы Э. Шваненберга «Описание прибрежного говора бывшей Анценской волости», ЛатГУ, 1958), вот фрагмент из него: *v'ēnreiz̃ baruõn dēļs̃ adbroūcs̃ uz mūs̃ ciēm̃. laĩkām̃ baruõñ am̃ kâc̃ bĩ patēcs̃, ka Vīlēmēir̃ mešsârks̃ rã doĩz̃ buĩks̃ šõĩ* «Однажды сын барона приехал в нашу деревню. Вероятно, барону кто-то сказал, что лесник Вилемир слишком много коз стреляет».

В этом тексте обращает внимание характерное начальное ударение, например, в словах *v'ēnreiz̃, baruõn, adbroūcs̃*, своеобразное распределение слоговой интонации в словах *Vīlēmēir̃, buĩks̃*. Слово *baruõn* подтверждает гипотезу М. К. Рудзите об архаичности «тамского» ударения⁸ и, следовательно, об относительно недавнем закреплении ударения на первом слоге. Для разъяснения непрозрачных фонетических отклонений от литературного языка автором применен удобный прием: *adbroūcs̃ (-tb-)*, т. е. лит. *atbr⁰*; *kâc̃ (-ds)*, т. е. лит. *kads*; *mešsârks̃ (-zs-, -gs)*, т. е. лит. *mežsargs*.

Литовская антология содержит тексты ко всем 704 пунктам подготовленного к печати диалектологического атласа. В качестве образца приводится начало текста пикалейского говора *dounininkai-*ского поддиалекта жемайтгйского диалекта; текст, записанный А. Гирдянисом в 1962 г. у информанта 1901 г. рождения, хранится в диалектологическом архиве института. Приведем следующий фрагмент: *givēⁿã glr'ũõ mūotin^a i turieĩ^e dũkterⁱs̃ t'ris̃, i dēd'lē^e pagar'siⁿt^as̃, grāž^s/kēi^k*

⁸ M. R u d z i t e, Par uzsvara vietu salikumos tāmnieku izloksnēs, «Baltistica», VI, 1, 1970.

kavalier^u tēⁿ važ'õus, — nègrī^š/i bõ.ũ^av'ri^s brūolē^e «Жила в лесу женщина и имела трех дочерей, очень славившихся красотой. Сколько кавалеров туда ни ездило, (ни один) не возвращался. И было три брата».

На примере этого фрагмента видно, как много нового можно выявить для исследования диатонии литовского вокализма и просодики, морфологических вариантов и даже синтаксиса. К условностям, вызванным недостаточностью полиграфической базы, относится замена в хрестоматии надстрочных знаков звонами в скобках: *givēⁿ(a)*, *mūotin(a)*, *dũkter(i)s* и т. п.

Тщательное обследование нередко исчезающих таджикских диалектов за пределами Таджикистана — актуальная для иранистики задача, так как именно на окраинах таджикоязычного ареала сохраняется много своеобразного и архаического. В этих условиях интерес представляет публикация самаркандских диалектных материалов. В частности, в книге М. Эшнйязова приводится прежде не публикованный текст на самаркандском говоре северного диалекта (из фольклорных фондов АН ТаджССР, записан в 1923 г. И. И. Сухаревой) у четырнадцатилетнего информанта): *soni b'rinj^frũšⁱ guft ki «buzat-a namef^rrũšⁱ-mi?» un kalča guftas: «ha, mef^rrũš^am».* — «*čam pul?*» guft. — «*yak iškam^a-a ser kuned^a b'rinj!*» «Затем продавец риса спросил: „Ты не продашь ли свою козу?“ Тот лысый отвечал: „Да, продам“, — „Почем?“», спросил. — „Наполни разок мой желудок рисом!“».

То, что хрестоматия таджикских диалектов целиком переписана рукой составителя и издана как старый «чопи сангй» (литография) на ротацинне, не уменьшает ее ценности; такой метод исключает опечатки, вызываемые сложностью набора. Книга М. Рудзите изготовлена офсетным способом. Литовская же антология — выдающееся произведение полиграфического искусства.

В настоящее время исследование диалектов достигло того уровня, когда необходимо печатание диалектологических атласов. Возникает вполне реальная перспектива того, что весь индоевропейский ареал будет покрыт подробными региональными атласами.

Л. Г. Герценберг

«Otázky slovanské syntaxe», III. Sborník symposia «Modální výstavba výpovědi v slovanských jazycích». Brno 27—30 září 1971. Universita J. E. Purkyně. —Brno, 1973. 399 стр.

Сборник «Вопросы славянского синтаксиса. III» содержит материалы третьего международного симпозиума по вопросам синтаксиса в Брно. Такие симпозиумы Брненский университет организует

начиная с 1961 г. через каждые пять лет. Эти симпозиумы — заметное явление в развитии науки о синтаксическом строе славянских языков. Первый симпозиум (1961) был посвящен общим теоретичес-

ким, программным и методологическим вопросам изучения сравнительного синтаксиса в историческом, сравнительно-историческом и типолого-сопоставительном аспектах. Его материалы составили сборник «*Otázky slovanské syntaxe*», Praha, 1962. На втором симпозиуме (1966) обсуждался вопрос о структурных типах славянского предложения и их истории (см. «*Otázky slovanské syntaxe*», II, Brno, 1968). Предметом обсуждения на третьем симпозиуме (1971) был вопрос о модальности высказывания, интерес к которому, не затихавший никогда, в последнее время особенно оживился. В выборе этой проблемы проявилась внутренняя логика деятельности брненских симпозиумов, обсуждающих центральные синтаксические проблемы, закономерно переходящие одна в другую: рассмотрение понятия структурного типа предложения в разных планах и прежде всего в парадигматическом на втором симпозиуме с неизбежностью привело к проблеме модальности.

Материалы рецензируемого сборника сгруппированы в три части: 1) общие вопросы модальности предложения (стр. 13—173), 2) модальности предложения в славянских языках (стр. 175—293), 3) исторический, сравнительно-исторический, диалектологический и стилистический аспекты проблемы модальности предложения (стр. 295—386). Это деление, как справедливо отмечают в своей вступительной статье редакторы, в значительной степени условно: большинство материалов, вошедших в первую часть, содержит не только общетеоретические положения (определение модальности, ее характеристика с семантической, логической, собственно синтаксической точек зрения, отношение модальности к другим семантическим и синтаксическим явлениям, классификация средств выражения модальности и под.), но и конкретные наблюдения, характеризующие какие-то стороны механизма модальности в тех или иных славянских языках. И, напротив, в большинстве материалов второй и третьей части сборника рассматриваются и общетеоретические вопросы.

Сборник открывается обзором современного состояния учения о модальности славянского предложения, сделанным С. Жажей. С. Жажа характеризует область модальности в ее современном понимании как «весьма сложный комплекс вопросов, который разными исследователями понимается и интерпретируется по-разному» (стр. 15) и утверждает, что в «настоящее время нельзя говорить ни о каком единстве в понимании модальности и ни о какой общей методологической базе изучения модальности» (там же). Эту оценку нельзя не признать вполне реалистической. Материал сборника в целом — яркое свидетельство ее справедливости.

Обзор С. Жажи хорошо дополняется со-

держательным докладом Р. Зимека «Модальность высказывания и ее глубинная структура», в котором показаны некоторые пути толкования модальности в генеративной грамматике. Автор стремится найти и акцентировать такие положения, которые сближают генеративную грамматику с традициями чешского и вообще славянского языковедения и с его современными идеями.

Другие материалы первой части сборника (а также в значительной мере и двух последующих) содержат различные попытки вычленить круг явлений, который объединяется понятием «модальность предложения», определить его и показать, какую внутреннюю организацию он имеет. Полнее всего представлено, разумеется, то понимание модальности, которого придерживаются опирающиеся на национальную лингвистическую традицию синтаксисты Чехословакии, выступившие на симпозиуме, судя по материалам сборника, в основных положениях единодушно.

Теоретические позиции хозяев симпозиума, брненских синтаксистов, нашли наиболее яркое выражение в докладе М. Грепля «О сущности модальности», который вслед за обзором С. Жажи открывает первую часть сборника, а также в докладе Р. Мразека «Дифференциация славянских языков в сфере модальности», открывающем вторую часть сборника. Отметив комплексность понятия «модальность», М. Грепля выделяет в нем три аспекта: общую модальность, волонтактивную модальность и модальность достоверности. Общая модальность конститутивна для высказывания, волонтактивная модальность и модальность достоверности факультативны, они могут быть и не реализованы в высказывании. Общая модальность основана на том, что «говорящий дает грамматическому образцу предложения (*veštněmu vzorci*) при его реализации в речи статус сообщения, вопроса, побуждения или желания» (стр. 23), в результате чего возникает высказывание одного из четырех возможных типов, различающихся по виду общей модальности: повествовательное, вопросительное, побудительное или желательное (оптативное). Волонтактивная модальность — это выражаемая преимущественно лексически значения необходимости, возможности и намерения (стр. 29). Она может присутствовать в повествовательных, вопросительных и желательных предложениях и исключена в побудительных (потенциальная возможность высказывания типа *A ty захоти и smogi сделать это* выражать волонтактивную модальность во внимание не принимается). Модальность достоверности (персуазивная) определяется как выражение убежденности говорящего в реальности содержания его высказывания (стр. 34; ср. понятие субъективной модальности в современных работах советских русистов).

М. Грешль решительно отделяет от системы модальных значений разного рода эмоциональные оттенки, а также утверждение и отрицание. В последнем с ним не согласны П. Адамец и Р. Мразек, включающие в рамки модальности отрицание, а также Ч. Баргула и М. Затовканоук, считающие модальность и эмоциональность категориями, неразрывно связанными между собой и комплексно представленными во многих явлениях, свойственных славянским языкам. В остальной же позиция М. Грешля типична для синтаксистов Чехословакии. Основные положения, высказанные в его докладе, разделялись почти всеми его соотечественниками, чье участие в дискуссии по общим вопросам учения о модальности отражено в рецензируемом сборнике (см. доклады и выступления Р. Мразека, В. Скалички, Я. Светлика и др.), а также многими учеными из других стран (см. доклады и выступления Б. Панцера — Мюнхен, И. Молнар — Будапешт, П. Рестана — Осло, Ч. Баргулы — Краков и др.).

Это направление кладет в основу понятия модальности коммуникативное намерение говорящего. Отсюда вытекает, что носителем модальности является предложение не как формальная структура, а как коммуникативная единица, т. е. *в ы с к а з ы в а н и е* (ср. название симпозиума), а основной оппозицией внутри категории модальности предложения выступает противопоставление повествовательности, вопросительности, побудительности и желательности.

Этому широко и разнообразно представленному на симпозиуме направлению участники дискуссии противопоставляли другое понимание модальности, согласно которому она основана на оппозиции реальности/ирреальности и включается в предикативность, а следовательно свойственна *п р е д л о ж е н и ю* как формальной структуре. Это направление было представлено советскими работами. Оно нашло отражение в докладе Г. А. Золотовой «Модальность в системе предикативных категорий», излагающем известное по более ранним работам автора толкование основной модальности предложения как категории, входящей в предикативность, в отличие от других типов модальных значений, которые не являются компонентами предикативности.

Участники дискуссии хорошо знакомы с тем воплощением учения о модальности как компоненте предикативности, которое дано в «Грамматике — 70», и потому они часто обращались к обсуждению соответствующих положений этой книги (см. выступления Я. Попелы, Р. Мразека, Д. Станишевой и др.).

Я. Попела поддерживает выдвижение оппозиции реальности/ирреальность, так как она «действительно постигает сущность модальности в современном русском

языке, а также, например, и в современном чешском» (стр. 159). Р. Мразек считает весьма плодотворным парадигматический подход к «синтаксическим наклонениям», осуществленный в «Грамматике — 70».

Оба направления, представленные на симпозиуме и отраженные в рецензируемом сборнике, различаясь в определении того, что является основой модальности предложения, по-разному выделяя и определяя эту основу, сходятся, однако, в том, что одинаково констатируют, что синтаксическая модальность, т. е. релевантные для синтаксиса значения, традиционно называемые модальными (а следовательно, интуитивно объединяемые по некоему признаку), и средства их выражения, представляет собой явление более широкое, чем то, что соответствует принятому определению. В результате возникает различие нескольких рядов модальных значений (ср. названные выше три вида модальности у М. Грешля; предикатная, дигитальная и рематическая модальности у П. Адамца; три типа «модальных отношений» у Г. А. Золотовой; объективная и субъективная модальность в «Грамматике — 70»).

Ряды эти строятся по-разному (хотя известное соответствие и имеет место), но бросающейся в глаза общей чертой этих построений (отражающей, очевидно, современный уровень постижения данного объекта) является то, что теоретическая мысль не направлена на поиски связей и соотношений между разными видами модальности, которые, однако, рассматриваются в границах некоего общего явления — синтаксической модальности в широком смысле слова, получающего, таким образом, лишь суммарную характеристику.

Зато на симпозиуме отчетливо выявилась тенденция рассматривать во взаимосвязи синтаксическую модальность и наклонение глагола. Мысль о связи между этими явлениями с большой остротой высказал В. Скаличка: «Модальность предложения явственно связана с модальностью глагола. Грубо говоря, то, что имеет силу для глагола, имеет силу и для предложения» (стр. 99).

Исследователь славянского сослагательного наклонения Б. Панцер в докладе «Модальность и наклонение в лингвистике» развивает идею о первичной релевантности наклонения глагола для синтаксической модальности и предлагает выделять виды синтаксической модальности на основе обобщения типологически различных систем глагольных наклонений. С ним солидарен Я. Попела, который считает, что «модальность в традиционном понимании является значением, выходящим за пределы морфологии (в ее выражении участвуют и лексико-синтаксические и интонационные средства), однако морфологизация должна быть указателем

того, какие именно „модальные“ значения стилизованы в конкретных языках как наиболее важные, она призвана способствовать различению отдельных значений, которые обычно подводят под понятие модальности, и подвести к сущности, *gesteivete* к ядру модальности (к модальности в собственном смысле)» (стр. 159). Сходные мысли развивали Г. Горак и И. Новотны.

Много внимания участницы симпозиума уделили и другим средствам выражения модальных значений, в частности лексическим. В многочисленных докладах и выступлениях анализируются модальные глаголы и предикативы в отдельных славянских языках порознь или в сопоставительном плане (см., в частности, публикации Р. Ружички, Ф. Михалка, Й. Коренского, Е. Бенешовой, Р. Грегорчиковой, З. Масарика). Большинство участников дискуссии рассматривает лексические средства выражения модальных значений как факты синтаксического уровня. Наиболее четко эту мысль выразил Р. Мразек в заключительном слове, обобщающем рабочие итоги симпозиума: «... лексические средства нельзя игнорировать даже при рассмотрении модальности на синтаксическом уровне, по крайней мере не такие средства, которые: а) изофункционально взаимодействуют с грамматическими, б) являются носителями основных модальных значений воли, возможности и необходимости» (стр. 392).

Предметом обсуждения были (хотя и в меньшей мере) и функция незнаменательных слов, участвующих в формировании модальных значений: вводных слов, частиц, союзов (см. публикации И. Лекова, Й. Мистрика, Й. Бартошека, доклад Р. Мразека), — а также специфические модальные значения отдельных формальных классов (структурных схем) предложений (см. доклад М. Ивич, публикации О. Уличного, З. Тополинской, Х. В. Шаллера).

Отраженные в сборнике наблюдения над механизмом формирования и выражения модальных значений в славянских языках убедительно свидетельствуют о том, что между отдельными славянскими языками в этой области есть существенные различия, что делает сопоставительное изучение относящихся к этой сфере фактов актуальной задачей славянского языкознания, имеющей как теоретическое, так и практическое значение.

Из относительно частных, но существенных вопросов, обсуждавшихся на симпозиуме и представленных в сборнике, обращает на себя внимание вопрос о модальности сложного предложения. В ряде материалов сборника (см. публикации К. Свободы, Й. Седлачека, Й. Оравеца, В. Барнетовой, Й. Блажека) обсуждается своеобразие модального оформ-

ления придаточных предложений и его связь с модальными характеристиками главных предложений.

В некоторых материалах сборника (преимущественно входящих в третью его часть) содержатся отдельные наблюдения, относящиеся к истории способов выражения модальных значений в славянских языках, выдвигаются задачи и указываются пути изучения соответствующего славянского материала в историческом и сравнительно-историческом направлении (см. открывающий третью часть сборника доклад Ч. Бартулы «Проблематика модальности в старославянском и праславянском языках», публикации Р. Вечерки, С. Ивацшева, К. Писарковой, Ф. Сверака, Л. Пацеровой).

В статьях Й. Хлоупека, В. Барнета и Й. Скулины ставится вопрос о своеобразии модальных характеристик синтаксических построений, возникающих в живом коммуникативном акте и свойственных разговорной речи. К ним тематически и идейно примыкают немногочисленные материалы, содержащие наблюдения над сферой модальности в диалектах.

Статьи М. Елинека, Е. А. Иванчиковой и А. Стиха представляют опыты стилистических толкований некоторых модальных средств отдельных славянских языков.

В составе сборника есть две статьи, непосредственно не связанные с проблемой модальности и рассматривающие другие актуальные вопросы. Это доклад Н. Ю. Шведовой «О соотношении грамматических и семантических характеристик предложения» и доклад Й. Фирбаса «Замечание о роли темпоральных и модальных указателей личной формы глагола в актуальном членении». В докладе Н. Ю. Шведовой дается анализ смысловых типов (семантических структур) предложений, построенных по структурной схеме *Inf cop Inf* (*Простить значит забыть*), в соответствии с тем пониманием семантической структуры и той методикой ее анализа, которые известны из другой публикации автора¹. В докладе Й. Фирбаса обсуждаются некоторые вопросы актуального членения, вытекающие из постулируемого автором понимания темы как «части высказывания, образованной элементами с наиболее низкой динамичностью высказывания, которые функционируют в качестве основания, на котором строится собственно сообщение» (стр. 139); в частности, как и в ряде предшествующих работ, констатируется семантическая комплексность личной формы глаго-

¹ См.: Н. Ю. Шведова, О соотношении грамматической и семантической структуры предложения, в кн.: «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1973.

ла и обусловленное ею разное отношение личной формы глагола к коммуникативному динамизму.

Таким образом, рецензируемый сборник интересен прежде всего тем, что он

привлекает внимание к проблеме модальности во всех ее аспектах и показывает возможность разных направлений ее разработки.

В. А. Белошапкова

А. В. Суперанская. Общая теория имени собственного.
— М., «Наука», 1973. 366 стр.

Для отечественной ономастики последнее десятилетие характеризуется не только накоплением эмпирических фактов и расширением диапазона изучаемых проблем, но и стремлением перейти от частных наблюдений к обобщающим теоретическим выводам. И, действительно, часто можно наблюдать, как отмечает автор рецензируемой монографии, что «чистая» наука еще не может дать тех выводов, которые необходимы науке «прикладной», и тогда «прикладники» обращаются к теории и разрабатывают ее. Именно таким путем шла А. В. Суперанская, известная своими работами по транскрибированию, акцентологии, морфологической структуре и грамматическим особенностям собственных имен. Издание монографии по теоретическим вопросам ономастики нужно рассматривать в ее творческой биографии как факт закономерный.

В книге «Общая теория имени собственного» рассматриваются проблемы семантики и стилистики имен собственных, определены принципы классификации имен и их функционирование в языке и речи, охарактеризован статус собственного имени как языкового знака. Решение теоретических вопросов ономастики требует четкого отграничения ономастики от других дисциплин, без которых, в то же время, она существовать не может. Это сделать нелегко, так как собственное имя всегда представлено одновременно в двух сферах: в языке и в обществе, и это отражается на многих определениях и характеристиках ономастических проблем. В книге последовательно доказывается, что ономастика как особая лингвистическая дисциплина оказывается связанной с комплексом гуманитарных наук, а также с науками о Земле и Вселенной. Все они, помогая выявить специфику именуемых объектов, а вместе с тем и статус имен, являются вспомогательными для лингвистики, методами которой проводятся ономастические исследования. В то же время лингвистика — это вспомогательная дисциплина для историков, географов, литературоведов, археологов и др., помогающая извлекать из анализируемых имен неязыковую (историческую, географическую и т. д.) информацию (стр. 35).

Таким образом, выход ономастики за пределы лингвистики осуществляется за

счет экстралингвистических компонентов, которые обязательны для ономастики, а отсюда вполне закономерно рассмотрение связи ономастики с логикой, с историческими дисциплинами, географией, астрономией, социологией, литературоведением.

А. В. Суперанская развивает в монографии идею А. А. Реформатского о гипертрофированной номинативности собственных имен¹, подчеркивая, что неизменным условием установления языкового статуса имени собственного следует считать знакомство с именуемым объектом (стр. 44). Эта идея получила в книге детальную разработку и привела в ходе исследования к новым теоретическим выводам.

Впервые в отечественном языкознании автором предложена последовательная история изучения имен собственных. При этом следует подчеркнуть, что А. В. Суперанская тесно связала проблему изучения имен собственных с историей облеингвистических теорий. Так, например, в разделе «Индивидуализация и обобщение» четко аргументировано, почему названия предметов, единственных в своем роде (*солнце, луна, небо, земля*), отнесены к нарицательным существительным. Выделяются также признаки, как понятийность, наделенность полисемией, перенос на другие аналогичные предметы, допущение синонимии и антонимии, абстрагирование их основных черт (стр. 94—95). Эти критерии важны для разграничения имен собственных от имен нарицательных, а также при анализе случаев перехода имен собственных в нарицательные и имен нарицательных в собственные.

В разделе «Связь слова с понятием и предметом» (гл. II) автору удалось проанализировать отношения некоторых обобщенных категорий имен нарицательных и собственных с понятием и объектом и при помощи схем показать семантические процессы, наблюдающиеся при переходе имен собственных в нарицательные и имен нарицательных в собственные (стр. 122—135). Этот раздел имеет определенный интерес не только для специалистов по ономастике, но и для исследователей семантики.

¹ А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1967, стр. 60.